

18+

Ли́на Лисова

ЛОПАСТИ

Лина Лисова

Лопасты

<https://litres.ru/74374879>

ISBN 9785007104463

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Жизнь пятикурсницы Амелии и её друзей превращается в кошмар, где цена каждого шага — жизнь. Чтобы спасти тех, кто дорог, им придётся пойти на безумный риск: заглянуть в глаза собственному страху и научиться действовать в редкие пятнадцать секунд затишья безжалостных титановых лопастей. Но удастся ли переиграть безупречную систему, когда время неумолимо утекает?

«ЛОПАСТИ» — напряжённый научно-фантастический триллер о взрослении, хрупкости планов и отчаянной борьбе против холодного металла.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
НИМК «Клиника №9»	6
Глава 2	27
Пицца, игры и те, кто рядом	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лопаст

Лина Лисова

*Моим близким, которые всегда рядом, даже
когда между нами километры*

Любовь побеждает страх

© Лина Лисова, 2026

ISBN 978-5-0071-0446-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ИНЦИДЕНТА НИМК «Клиника №9»

СТАТУС: СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

В 23:30 по местному времени в кампусе НИМК «Клиника №9» был зафиксирован критический сбой центрального сервера. Из-за скачка напряжения всё здание осталось без электричества и связи с внешним миром. Экспериментальная система автономной экстренной стерилизации «L-OPASTI» перешла в автономный режим и распространилась за пределы операционных блоков на общие коридоры и лестницы. Сработал аварийный протокол: тяжёлые герметичные стальные двери на первом этаже заблокировались намертво магнитными замками.

В 02:40 ликвидационная группа констатировала смерть [ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ] человек. Характер повреждений указывает на множественные рассечения, нанесённые элементами роботизированных систем, передвигавшихся по потолочным рельсам и полу.

Из общего числа находившихся в кампусе живыми обнаружены [ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ].

Материалы дела изъяты из общего архива. Копирование запрещено.

Глава 1

НИМК «Клиника №9»

Научно-исследовательский медицинский кампус «Клиника №9». Это место стало пристанищем для всех: уютным домом для детей, нуждавшихся в лечении и заботе, университетом и работой для амбициозных студентов, исследовательской лабораторией для выдающихся учёных и только начинающих свой «путь в науку» лаборантов.

Говорят, что эту клинику и впоследствии все корпуса основал один безумный учёный, грезивший созданием «Медицинского города-приюта», в котором для каждого человека найдётся место. Он всю свою сознательную жизнь посвятил медицине, науке и строительству нашей «Нимки», так ласково мы называем свой дом. Не знаю, так ли это было на самом деле, но я безумно благодарна тому, кто это придумал и реализовал. Это значительно упрощает жизнь нам, неравнодушным студентам.

После пар, которые проходят у нас на втором этаже, мы поднимаемся на свой родной третий этаж, где располагается детский патронажный центр. Внутри него есть столовая. Там продают самые вкусные пирожки и котлеты с гречкой! Многие студенты приходят, выполняют задания по практи-

ке и уходят на свой четвёртый (официально студенческий) этаж. Но только не мы. Я, моя подруга и ещё несколько активных студентов попросили заведующего отделением, чтобы нам выделили место, где можно спокойно посидеть, разложить конспекты и не мешать никому. Он пошёл навстречу и разрешил нам пользоваться комнатой отдыха для практикантов — маленькой, тесной, зато своей. Мы её не то чтобы переделали — мы её обжили. На стене висит распечатанная схема эвакуации, на которой кто-то из нас ручкой нарисовал смайлик, чтобы она не выглядела такой строгой. Мы не раз засыпали с книгой сказок в руках у детских кроватей, а потом, когда сил уже не было, перебирались на кушетки в этой комнате.

Расскажу подробнее об устройстве кампуса. Вам может показаться, что здесь всё очень сложно и запутанно. Но это только на первый взгляд. Выделяются два корпуса: левый (клинико-учебный) и правый (лабораторный). Они соединены длинным стеклянным коридором, который идёт параллельно фасаду: сначала направляется прямо, затем делает поворот на девяносто градусов, после этого вновь тянется прямо. И так происходит на всех этажах.

Первый этаж — диагностический блок. Здесь регистрируют детей-сирот, а также тех, кто нуждается в медицинской помощи. Если пройти стойку администратора, можно увидеть длинный коридор и огромное количество кабинетов по бокам. В них дети проходят самое качественное медицин-

ское обследование, по результатам которого их направляют на третий этаж. Здесь логика немного меняется. Коридор по-прежнему тянется вперёд, но в середине разделяется: две двери ведут в изолированные зоны под табличками «3.1» и «3.2». За каждой из них скрывается свой проход. Разница между этими отделениями принципиальная: первый блок предназначен для лечения острых инфекций, и он полностью закрыт на строгий карантин. Это необходимо, чтобы временно поступающие больные не контактировали со стационарными жителями соседнего крыла и не занесли инфекцию к тем, чьё здоровье и так уязвимо. Блок 3.2 — это не просто больничные палаты, а Центр комплексного детского развития и патронажа. Сюда попадают сироты с особенностями развития, которых клиника берёт под полную опеку. Они живут здесь годами в комфортных условиях, получая необходимую терапию, а студенты в рамках своей практики ежедневно занимаются с ними.

Итак, уже знакомый вам второй этаж. Планировка повторяет первый этаж: длинный коридор с аудиториями и комнатами преподавателей по бокам. В конце коридора — тот же стеклянный переход, выход к лестнице и дверь в лабораторию. Это университет и «обитель» преподавателей. У них есть своя столовая (правда, там не такие вкусные котлеты), свои комнаты. А также здесь можно найти учебные аудитории, спортзал (да-да, куда же без физкультуры) и актовый зал. Мы стараемся не задерживаться на этом этаже, уж боль-

но душная тут атмосфера.

О четвёртом этаже многого сказать не могу. Мы прожили там от силы несколько недель. Больше там оставаться было невозможно. Многие студенты устраивали шумные дискотеки, не готовились к практическим занятиям, пытались отвлекать других. Нет, поймите меня правильно. Я не утверждаю, что там все такие. Да, есть шумные и безответственные, но ещё есть и такие же равнодушные, как мы, но уже привыкшие к этой атмосфере студенты. Со многими мы общаемся, перебрасываемся парочкой фраз во время лекций занудных преподавателей. Здесь длинный пролёт по-прежнему ведёт к стеклянному переходу, но он выглядит менее «официальным»: на стенах появляются записки, наклейки, потёртости. За неприметной дверью в конце открывается внутреннее крыло общежития — по обе его стороны идут комнаты студентов. Некоторые двери приоткрыты, из них доносятся голоса, музыка, смех.

А мы... мы почти выселились. Так мы между собой говорим. Официально мы всё ещё числимся на четвёртом, но наши вещи, наши привычки, наше тепло — всё переехало на третий этаж, в комнату отдыха для практикантов.

Это была левая половина кампуса. Есть ещё и правая. Обычные студенты ограничиваются проходом по стеклянному коридору этого кампуса, чтобы добраться до левой половины, на которой нет лестниц. Не знаю, это задумка безумного учёного или экономия средств строителей, но лестни-

цы между этажами есть только в правом кампусе, в середине стеклянного коридора после поворота. Это не всегда удобно, но что есть, то есть. Правое крыло устроено иначе: это открытое пространство, разбитое на отдельные «зоны» перегородками из стекла и металла. Здесь меньше дверей (но, тем не менее, они есть) и больше свободных проходов. На каждом этаже расположены большие технические двери, ведущие в подсобки, щитовые и вентиляционные камеры. Рядом находятся операционные блоки и огороженные стеклом площадки для экспериментов — с герметичными дверями и предупреждающими табличками. Но есть в этом корпусе и кое-что уютное: комнаты учёных и лаборантов. Они, словно лучики солнца, освещают этот научный, тёмный мир.

Иными словами, правый кампус — это огромная лаборатория. Здесь выдающиеся врачи проводят операции, талантливые учёные разрабатывают проекты, создают изобретения, модернизируют существование «Нимки», так сказать. Одно изобретение помогло сократить расходы на транспортировку и облегчило жизнь медсёстрам. И это — Единая монорельсовая транспортная система «Sky-Track». Она была создана для того, чтобы минимизировать контакты персонала с инфекциями. Её принцип действия такой: все корпуса соединены магнитными рельсами под потолком. По ним курсируют роботы-доставщики. Они тихонько шуршат и привозят в палаты лекарства, еду, чистые пелёнки и даже игрушки. Нажал кнопку — и к тебе в палату сверху опуска-

ется контейнер. Детям это даже нравится, они называют их «летающими почтальонами». Также можно встретить роботов-очистителей воздуха: это маленькие приборы, которые ездят по ночам и дезинфицируют ультрафиолетом пустые коридоры. К этим милым созданиям мы все привыкли.

Но это ещё не всё. Есть ещё одно изобретение, с очень странным названием «L-OPASTI». Мне показывали его фотографию, выглядит очень жутко. Это экспериментальная система автономной экстренной стерилизации «L-OPASTI». Это роботы, которые также передвигаются под потолком по специальным магнитным рельсам (только они не перемещаются вместе с нашими роботами, у этих страшил свои, закрытые рельсы). Их задача — после операций опускаться и с помощью вращающихся ультратонких лопастей-скальпелей мгновенно очищать воздух от биологических угроз, проводить бесконтактную лазерно-механическую дезинфекцию операционных комнат. Они выглядят как тонкие металлические трости с веером длинных плоских лезвий...

— Амелия, ты что, ограбила библиотеку?

Я резко обернулась. Внизу лестницы стоял Кирилл. Высокий аспирант в белоснежном халате, из-под которого выглядывала идеально выглаженная клетчатая рубашка.

Он удивлённо осматривал меня. Его очки слегка сползли на нос, он поправил их свободной рукой. Я пожала плечами, и в этот момент самая последняя книга из моей необъятной стопки выскользнула: она глухо ударилась о ступень, затем

покатилась вниз, замедляясь на каждом стыке. Кирилл наклонился, подхватывая книгу прежде, чем она докатилась до следующего пролёта.

— Тяжело же. Ты их собираешься читать или использовать как оружие?

Я посмеялась. Это было действительно смешно, учитывая, каким количеством учебных пособий я себя загрузила. Парень протянул мне книгу, я осторожно взяла её. Мои пальцы дрогнули, и я поспешно сжала обложку, чтобы он не заметил.

— Скорее всего, первый вариант, — сказала я, улыбнувшись. — Но если будет нужно, то для второго варианта они определённо сгодятся.

Кирилл тихо усмехнулся. Я не успела ничего сказать, как вдруг он забрал у меня эту ношу и спросил:

— На третий этаж?

Я кивнула, неловко отведя взгляд.

Мы дошли до отделения. Мои книги были возвращены.

— Спасибо большое.

Аспирант неловко улынулся и отмахнулся. Мол «я ничего такого не сделал». Сделал. Ты делаешь то, что не делает никто другой. Заставляешь моё сердце бешено колотиться, а руки дрожать.

Он чуть наклонился вперёд, будто хотел убедиться, что нас никто не слышит, и тихо, почти шёпотом, сказал:

— У меня сегодня дежурство. Если хочешь... можешь за-

глянуть. Можно просто посидеть, выпить чаю. Обсудить, зачем тебе столько книг.

Он сказал это быстро, будто боялся, что если остановится хоть на секунду, смелость его подведёт, и снова поправил очки.

— Спасибо, — прошептала я. — Может, и загляну. И... ещё кое-что...

Кирилл внимательно посмотрел на меня. И я, немного помедлив, сказала:

— У тебя есть что-нибудь по патофизиологии? Я тону в этих терминах. Скоро семинар, а у меня такое ощущение, что я ничего не знаю.

Я посмотрела на него. В голове я прикидывала, сработает это или нет.

— Где-то валялись лекции, постараюсь найти. Если смогу их отыскать, то принесу. — Кирилл воодушевлённо улыбнулся. Он выглядел так, как будто был готов в эту же секунду рвануть на поиски лекций, книг, да хотя бы чего-нибудь: главное, чтобы был повод вернуться. На это я и рассчитывала.

— Спасибо большое, буду ждать, — я улыбнулась. Парень кивнул мне в ответ и поспешно удалился.

Я отнесла книги в наш уголок. Комната не была палатой, но планировка и правда напоминала её: вытянутая, с высокими окнами, будто её строили так, чтобы впускать как можно больше света. Мы привнесли в неё что-то своё: переставили

две кушетки к левой стене — они встали в один ряд, друг за другом; одну оставили на прежнем месте у самого края правой стены. Кушетка заканчивалась как раз там, где начиналась раковина. У противоположной стены мы поставили стол, который теперь вечно загромождён моими книгами. Маленький обеденный столик и стулья стояли у окна. Рядом был компактный холодильник. А у основания правой стены стоял огромный шкаф, на котором сверху лежали свёрнутые матрасы. Когда мы устраиваем посиделки, стягиваем их на пол и сидим, укутавшись в плед, трескаем пиццу, смотрим какую-нибудь комедию или ненавязчивый сериал.

Кстати, о пище. Подумала о еде и сразу разыгрался аппетит. Пойду-ка я в столовую. Отведаю тех самых вкусных котлет с гречкой. Как раз время обеда наступило, нельзя игнорировать сигналы своего организма.

Прошло полчаса

Я закончила трапезу. Взяла чёрный чай. Жалко, что здесь нет такого, как у Кирилла в комнате. Я сделала глоток и погрузилась в воспоминания.

Месяц назад. Правая половина кампуса

Я шла по длинному коридору. Лампы тут старые, мигают с противным ритмичным звуком, будто отсчитывают секун-

ды. Мне нужно было забрать материалы у лаборанта, и я не хотела идти одна. Кирилл будто случайно оказался тут же: «Я как раз в ту сторону», «Тут по пути», хотя путь у него явно лежал в другую сторону.

— Знаешь, я раньше думала, что самое страшное в этом корпусе — это расписание зачётов. А теперь понимаю: тут даже тишина какая-то... неправильная.

— Это не тишина. Это фоновый шум. Вентиляция, насосы в подвале, электрические помехи. Просто ночью мозг начинает вычленять из этого... узоры. И наделять их смыслом.

Я покосилась на него, слегка улыбнувшись.

— Ты всегда так делаешь, да? Берёшь то, от чего хочется бежать, и раскладываешь на части. Вентиляция. Насосы. Помехи. И вдруг становится... не так жутко.

Кирилл поправил очки. Он смотрел не на меня, а вперёд, будто, если посмотрит прямо мне в глаза, ему не хватит смелости говорить.

— Я не хочу, чтобы ты боялась. Если честно... я вообще не хочу, чтобы кто-то тут боялся. Но особенно ты.

Пауза. Он будто сам испугался того, что сказал.

— Прости. Это... слишком. Я просто... — начал говорить Кирилл торопливо, как будто пытался оправдаться.

Я остановилась и заговорила, глядя ему прямо в глаза:

— Не извиняйся. Иногда самое правильное, что можно сказать, — это «я не хочу, чтобы ты боялась». И знаешь, когда ты это говоришь, я правда чуть меньше боюсь.

Кирилл кивает, будто запоминает эти слова. И в этот момент лампа над нами гаснет. Не мигает, не щёлкает — просто гаснет, и коридор становится чёрным.

Я вздрогнула, инстинктивно сделав шаг прямо в объятия к аспиранту.

— Кирилл...

Мои руки оказались на его плечах. Он смущённо посмотрел на меня и пару секунд помедлил. Потом обхватил меня за спину — так аккуратно, будто боялся сделать что-то не так.

— Не бойся, я... рядом. Это просто электричество. Перегрузка. Или... или кто-то выключил автомат.

Как только Кирилл договорил, свет включился как по велению волшебной палочки. Он едва заметно улыбнулся.

— Вот видишь, всё прошло.

Я успокоилась. Моя хватка ослабла, я убрала руки и только сейчас осознала, насколько близко мы стояли друг к другу. Я неловко отвела взгляд.

— Прости, я... просто от неожиданности...

Кирилл мягко кивнул, и мы продолжили поиски кабинета. Мы прошли почти весь корпус и наконец-то нашли то, что искали. Я потянула ручку — дверь открылась. И вот, на краю стола, будто специально оставленные, лежат те самые распечатки.

Я схватила листы и крепко прижала их к груди, будто это не бумага, а спасательный круг. Наверное, так и было.

— Они здесь, как хорошо! Без них я бы просто пропала на этом семинаре. Кирилл, спасибо тебе большое...

Я посмотрела на аспиранта. И заговорила тихо, почти шёпотом, будто сама себе не верила, что сейчас это сделаю:

— Знаешь... если бы ты не пошёл со мной, я бы, наверное, развернулась ещё на втором этаже. Просто встала бы и не смогла сделать ни шага.

Кирилл чуть нахмурился, будто не понимал, за что его хвалят.

— Я ничего особенного не сделал. Просто... не хотел, чтобы ты шла одна.

Я сделала шаг вперёд — не резкий, не порывистый, а такой, где каждое движение осознанное. Я положила стопку распечаток обратно на стол, освобождая руки. И посмотрела ему прямо в глаза.

— Именно это и было особенным.

Я поднялась на цыпочки и поцеловала его. Не долго, не отчаянно, а как ставят точку в чём-то важном: «ты был рядом, и это имело значение».

Кирилл замер на долю секунды — будто его выключили, как те лампы в коридоре. Потом медленно, очень осторожно положил одну руку мне на плечо, будто боялся, что я исчезну, если он сожмёт чуть сильнее. И ответил на поцелуй — коротко, бережно, так, словно это не про страсть, а про благодарность: «ты мне тоже нужна».

Мы, оба знатно покрасневшие, отстранились.

Кирилл поправил очки — старый жест, но теперь в нём не было нервозности, а была попытка собраться.

— Если хочешь, можем зайти в мою комнату дежурного лаборанта, выпить чаю, отдохнуть от такого тяжёлого пути.

Я кивнула и улыбнулась. Аспирант едва заметно обрадовался, взял мои распечатки и повернул к двери. Ой, я чуть не забыла то, ради чего мы сюда пришли.

В обратную сторону мы шли быстрее. И немудрено: Кирилл знал, где находится его комната. И это было совершенно в противоположном направлении от того места, куда мы ходили за распечатками.

— Заходи, только не удивляйся бардаку, — Кирилл открыл дверь и чуть посторонился, пропуская меня.

На двери с внутренней стороны висел аккуратный, ламинированный бланк дежурств по блоку. Мой взгляд скользнул по строчке, напечатанной строгим шрифтом: «Ответственный дежурный лаборант: Беляев Кирилл Дмитриевич». Я мысленно повторила это про себя, пробуя его полное имя на вкус. Беляев Кирилл Дмитриевич. Как же красиво и благородно это звучало, полностью отражая его мягкий, но сильный характер.

Комната была очень узкой. Кожаный диванчик стоял впритык к шкафу, дверца которого была приоткрыта. Это было пристанище клетчатых рубашек. У другой стены стоял высокий угловой шкаф с книгами: тома по физиологии, неврологии, фармакологии, между ними — тонкие папки с рас-

печатками. Рядом, чуть отдельно, теснились учебники для младших курсов — будто он держал их не для себя, а чтобы кому-нибудь отдать. Справа располагался второй шкаф, металлический, с замком. Он был лаборантским. Возле него стоял маленький холодильник. Стол у окна (точнее, у глухой стены, где окно было только на схеме) был заставлен так, что оставалось ровно столько места, чтобы поставить кружку и положить раскрытый журнал дежурств. В углу стола — настольная лампа с гнущейся ножкой. В дальнем углу, за шкафом с вещами, стояла маленькая электрическая плитка, которую не так легко разглядеть. На ней — металлическая кружка и крошечная кастрюлька.

— Тут тесно, зато всё под рукой, — тихо сказал Кирилл, заметив, как я осторожно оглядываюсь. Было страшно задеть что-нибудь и запустить какую-то невидимую тревогу.

Я шагнула внутрь, и дверь за мной мягко щёлкнула замком.

— Это что, расписание дежурств? — я кивнула на журнал. Кирилл чуть смущённо поправил очки.

— И расписание, и отчёт. Сегодня я на дежурстве, поэтому не сплю, а фиксирую показания датчиков каждые два часа. А вообще... я тут и живу. Это комната дежурного лаборанта. Удобно: если ночью что-то случится, я уже на месте.

— То есть ты и спишь тут, и дежуришь?

— Ага. В какие-то дни я просто живу, в какие-то — официально дежурю.

Я осторожно села на край кровати, боясь нарушить привычный уклад, а Кирилл суетился у маленькой электрической плитки в углу.

— Вот, держи, — тихо сказал он, протягивая мне металлическую кружку. — Там мята и немного чабреца. Медсестры поделились.

Я взяла кружку обеими руками, вдыхая горячий пар. Кирилл сел на стул напротив меня. От тепла чая его очки мгновенно запотели. Он смешно сморщил нос, снял их и принялся протирать подолом халата.

Без очков его лицо выглядело совсем юным, беззащитным и таким родным...

— Лия! — кто-то крикнул мне в спину. Размышления прервались, чашка чуть не выпала из рук. Я обернулась.

— Ах, Кира, это ты, — сказала я, полностью повернувшись к виновнице моего испуга, — зачем так кричать? Я чуть не разбила чашку. Из нашей любимой столовой, между прочим!

— Ну не разбила же, — ответила Кира, пожав плечами. Она села напротив меня. — Почему сидишь тут, в полном одиночестве? Я искала тебя на втором этаже, думала, что ты в библиотеке, обсуждаешь с ребятами новости.

— Я не в одиночестве. Я наедине со своими мыслями. Так, стоп. Какие новости?

— И что же они тебе говорят, твои мысли? Может, они

советуют тебе не прогуливать пары?

Я нахмурилась. Кира виновато посмотрела на меня.

— Прости. Я понимаю, какие у тебя отношения с Зиной Петровной. Но это не повод не ходить на её пары. Если ты сдаёшься, значит, она выигрывает. Тут-то осталось потерпеть всего лишь месяц...

— Я не сдаюсь. Я просто... не могу себя пересилить. Как представлю её полный ненависти взгляд, её осуждение... Обидные слова в мой адрес, — я отвела взгляд. Промелькнули воспоминания. Очень болезненные. Как меня завалили на экзамене, как обсуждали меня за моей же спиной...

Кира накрыла мою руку своей.

— Прошу, не вспоминай об этом. Я не хотела тебе напоминать, прости меня. Насчёт новостей, Раиса Михайловна сказала, что надвигается шторм. Она очень переживает, что её теплицу унесёт ветром.

Столовая разразилась смехом.

— Прямо-таки унесёт? — скептически спросила я.

— Не знаю, правда ли это или Раиса Михайловна зря тратит свои нервные клетки, но шторм действительно обещает быть сильным. Но я абсолютно уверена, что переживать из-за этого не стоит.

Я задумчиво оглядела столовую.

— Наши помидоры в безопасности, и их однозначно никто никуда не унесёт. Да и вообще, нам есть что есть. А Раиса Михайловна пусть переживает, её же пугает еда в столовой.

— Мы засмеялись с новой силой. Вот такие уютные чаепития и продлевают нашу, порой сложную, порой несправедливую, жизнь.

— Девочки, повторите шутку, мы тоже хотим посмеяться!

Я обернулась. К нам подходила знаменитая четвёрка педиатрического факультета. Артём, Игорь, Максим, Денис — та самая компания, которую невозможно разлучить. Должен случиться потоп или землетрясение, чтобы эта четвёрка распалась.

Немного расскажу о них. Артём — самый весёлый парень на нашем курсе. Ему не нужен повод, он всегда и везде будет шутить 24/7. А мы, каждый раз как первый, будем заливаться смехом от его шуток. Он обладает просто потрясающим чувством юмора. Игорь — очень серьёзный студент. С ним не пошутить. Книжки, наверное, не выходят у него из головы. Он живёт, опираясь на законы логики. А говорит непременно на языке фактов. Одни факты и ничего более. Насколько я знаю, он мечтает стать лаборантом в правой половине кампуса. Ведь самое любимое его дело — анализировать данные, строить на их основании графики и ещё с десяток занудных дел. Максим неплохой человек, но как же он любит выпендриваться. Его хлебом не корми, дай показать свою силу. Сила есть, ума не надо. Я думаю, он по жизни идёт с этой цитатой. Но, стоит отметить, если кому-то нужна помощь, он придёт на помощь одним из первых. Денис создаёт впечатление тихого наблюдателя. Он не суетится, спокойно подмеча-

ет на первый взгляд незаметные детали и факты. И все они, как четыре детали одного пазла, дополняют друг друга и делают свой сквад¹ незабываемым.

— А вот надо вовремя приходить, чтобы не пропускать шутки мимо ушей! — съязвила Кира, разумеется, в шутку.

Ребята посмеялись и подсели к нам за столик. Мы болтали о практике в детском отделении, о ненавистных парах летнего теоретического интенсива, обсуждали злых преподавателей (привет Зинаиде Петровне!)

А потом на горизонте появился Кирилл. Он стеснительно поправлял очки на переносице. В его руках шуршал крафтовый пакет. А в сгибе локтя виднелся книжный переплёт.

— Всем привет! Не помешаю? — в голосе Кирилла слышалась лёгкая неуверенность. — Я принёс пирожные.

Все на секунду замолкли, потому что видели, как Кириллу непросто. Я прервала это молчание.

— Конечно, не мешаешь, садись сюда.

Градус напряжения снизился. Все поприветствовали наведавшегося гостя. Ребята тут же принялись разбирать пакет, а Кирилл неловко опустился на свободное место. Рядом со мной. Он вновь поправил очки и протянул мне книгу.

— Вот, ты просила.

На обложке красовалась надпись «Патофизиология. Теория и практика». Я потянулась за учебником и случайно на-

---

¹ Сквад — это слово из молодёжного сленга, которое происходит от английского squad («отряд», «команда», «группа»).

ткнулась на его пальцы. Это секундное прикосновение заставило аспиранта вздрогнуть. Мы посмотрели друг на друга. В его глазах было так много несказанных слов.

«Почему? Почему ты молчишь? Ты же прекрасно знаешь, какой будет ответ. Так чего же ты боишься?» — мысленно заваливала я себя вопросами.

В это время вокруг снова зашумели: мальчики уплетали эклеры, кто-то пытался стащить чужое... Я едва успела выдохнуть, стряхивая с себя эту звенящую тишину между мной и Кириллом, как раздался возмущённый голос Максима.

— Артём! — вскрикнул Максим, уставившись на друга. — Ты пытаешься съесть второй эклер. Но это ещё полбеды. Ты пытаешься увести его прямо у меня из-под носа!

Мы захохотали. Артём, пойманный с поличным, осторожно убрал руку от пирожного, оставив его другу.

— Ребята, — сказала Кира, слегка откашлявшись, — как вы смотрите на то, чтобы собраться сегодня вечером у нас? Закажем пиццу, поиграем в настольные игры или посмотрим фильм.

— О-о-о-о-о, это замечательное предложение, — довольно протянул Артём.

— Да, как раз выходные начинаются, ничего не нужно делать, — подхватил Игорь.

Четвёрка согласилась. Мне кажется, они за любой кипиш, кроме голодовки. Я посмотрела на Кирилла, ожидая от него ответа. Он почувствовал мой взгляд и поднял глаза.

«Пожалуйста, приди».

Он, будто понимая, насколько это важно для меня (да и для него самого, чего уж тут скрывать), тихо произнёс:

— Я... тоже приду. До 21:00 я абсолютно свободен.

Я облегчённо выдохнула. Наверное, слишком громко. Даже сама услышала это. Я поймала на себе взгляд Дениса. Он чуть склонил голову, будто разгадывал какую-то загадку, и в его глазах мелькнуло понимание — такое спокойное, что мне стало не по себе.

Ребята повскакивали из-за стола, будто разом вспомнили, что у них ещё миллион дел — хотя на самом деле просто хотели выбрать, какую пиццу будем заказывать. Артём размахивал руками, доказывая, что «Пепперони — это базовый выбор любого разумного человека», Максим закатывал глаза и бурчал что-то про «вкусовые предпочтения, не подкреплённые логикой», Игорь спокойно тянулся за сумкой и предлагал всем не спорить, а просто взять побольше.

Я тоже встала, машинально прижимая к себе учебник по патофизиологии, и на секунду замерла, высматривая в этой суете Кирилла. Он собирал со стола пустые пакетики и крошки, будто ему нужно было чем-то занять руки, и снова поправил очки.

В этот же миг рядом оказался Денис. Он встал так, чтобы немного заслонить меня от общей суеты, и шепнул, наклонившись совсем близко, предназначая эти слова только мне:

— Не торопи его. Он не потому молчит, что ты ему не

нравишься. Просто для таких, как он, сказать «да» — это уже почти подвиг.

Я хотела было возразить — мол, я и не тороплю, я вообще ни о чём таком не думаю, — но не стала. Потому что он видел. Видел, как я ловила каждое его слово, как ждала этого «приду», и как оно прозвучало для меня громче любого признания.

— Спасибо, — прошептала я.

Денис чуть улыбнулся и кивнул на Кирилла.

— А ещё он принёс пирожные. Это у него вместо «я рад тебя видеть». У каждого свой язык. Просто слушай не слова, а то, что за ними.

И мне вдруг стало легче. Не потому, что всё стало понятно, а потому, что я была не одна в этой путанице взглядов и пауз.

Глава 2

Пицца, игры и те, кто рядом

Наша компания неспешно разошлась. Разумеется, ненадолго. Вечером мы снова соберёмся. Мы с Кирой пошли в комнату, за нами увязался Максим. Он напросился в помощники. Ну конечно, без такого сильного парня, как он, мы явно не сможем достать матрасы со шкафа, снять пледы с кроватей на пол и переставить столик, который весит как обычная тумбочка.

В шесть рук дело пошло так ловко, что Максим, явно не ожидавший такой скорости, растерянно замер посреди комнаты.

— Мы так быстро справились. А я думал, что тут работы на целый час.

Кира сдалась и захихикала первая, неловко прикрывая рот ладонью. Я, глядя на эту заранее обречённую на провал попытку, поджала нижнюю губу и отвернулась к стене. Чтобы никто не видел, как мне тяжело сдерживаться, пока Максим, ничего не подозревавший, осматривал наше место для пикника.

— Девочки! — вскрикнул он, как будто его осенило, — мы ведь не приготовили тарелки и стаканы. А столовая вот-

вот закроется.

Я повернулась, сделала вдох и спокойно сказала:

— Наверное, в этот момент ты слишком яростно спорил с Артёмом, — усмехнулась я, — что не расслышал, как Игорь сказал, что принесёт одноразовую посуду.

— А-а-а, точно, — Максим почесал затылок. — Молодцы, девочки. Всё замечаете. Ладно, я пойду, вдруг Артему и Денису нужна будет помощь. Они как раз должны были пойти за пиццей.

— Да-да, конечно, иди, они без тебя не справятся. Вся надежда на тебя, — выдавила Кира, еле сдерживая смех.

Максим кивнул и вышел из комнаты. Мы подождали, когда шаги стихли, переглянулись и засмеялись.

— Я не смогла сдержаться, — сквозь смех пробормотала Кира. — Наверное, он понял, что это сарказм.

— Кира, я тебя умоляю, — я серьёзно посмотрела на подругу, — Он свято верит в то, что Артём и Денис не смогут донести две коробки пиццы и несколько пачек сока в целости и сохранности.

— Ладно, пусть помогает. А нам с тобой нужно найти настольные игры. Во что будем играть? — Кира уставилась на меня. — В «Монополию», «Мафию» или, может, в карты? На раздевание?

Кира захихикала, наблюдая за моей реакцией. Моё лицо моментально вспыхнуло, стоило мне только представить, как бы это было.

— Кира, ты что! — я заметно занервничала и с трудом пыталась подобрать слова. — Это... неправильно. Мы не будем таким заниматься, это просто дружеская посиделка...

— Лия, расслабься. Я же просто пошутила. А вот насчёт монополии и мафии подумай. Ну и обычные карты тоже не стоит списывать со счетов, обойдёмся на этот раз без разделения.

Мне хватило одного строгого взгляда, чтобы Кира тут же подняла руки:

— Всё-всё, сдаюсь!

Мы достали из шкафа все игры, которые только были. Не одним же нам решать, во что играть. Будем вместе выбирать.

Мы присели на пол передохнуть. Кира укуталась в плед так, что почти не было видно её лица, и уткнулась в телефон. Я едва заметно хихикнула, стянула с кровати подушку и обхватила её руками. Как бы мне хотелось, чтобы это была не подушка. Я грустно взглянула на дверь. Почему Кирилл ещё не пришёл? А вдруг передумает?

Первым в нашу комнату заглянул Игорь. Он принёс посуду.

— Девочки, всё в силе? — спросил он с улыбкой.

— Конечно, — ответила Кира. — Мы вот уже подготовились. Не без помощи твоего друга.

Игорь посмеялся. Он с полуслова понял, кого мы имели в виду. Нам даже не нужно было называть это имя. Парень расставил тарелки и стаканы на столик, который еле-еле их

уместил.

— А коробки поставим на пол, — спокойно добавил он.

Только Игорь договорил, в коридоре послышался топот, будто кто-то нёсся, не глядя под ноги, и тут же в дверь без стука ворвался Артём. В руках у него были две коробки пиццы, прижатые к груди, как самое ценное сокровище. Денис шёл следом, чуть медленнее, с пачками сока, и на лице у него было такое выражение, будто он всю дорогу уговаривал Артёма не уронить коробки на повороте. А Максим замыкал шествие, размахивая пакетом так, будто это был флаг победы.

— Мы живы! — выдохнул Артём, вваливаясь в комнату.

— И пицца тоже! Ни одной вмятины!

Кира тут же вскочила, забыв про плед, который сполз у неё с плеч.

— Ты герой! Я официально записываю тебя в почётные доставщики!

Артём приосанился, поправил воображаемую медаль и торжественно водрузил коробки на пол рядом со столиком.

— Награда — это уважение и, желательно, первый кусок.

Денис, наконец поставив соки, усмехнулся:

— Уважение ты заработал. А первый кусок придётся заслужить.

Максим, не дожидаясь приглашения, шагнул вперёд и потряс пакетом.

— А я принёс! То, без чего вечер не вечер!

Все замерли и уставились на него.

— Ну, не томи! — не выдержала Кира.

Максим торжественно развернул пакет — и вытряхнул на столик три пачки печенья и... маленькую упаковку маршмеллоу.

— Для радости, — пояснил он с таким серьёзным видом, будто раскрыл государственную тайну. — Я подумал: пицца — это база. А сладкое — это душа вечера.

Артём хлопнул его по плечу.

— Макс, ты гений.

Игорь едва заметно улыбнулся.

— Спасибо. На перекус будет.

Я стояла в стороне и наблюдала за тем, как все суетятся. Я уже хотела шагнуть вперёд, сказать что-нибудь весёлое, чтобы поддержать этот вихрь, но дверь снова приоткрылась — медленно, осторожно, как будто тот, кто стоял за ней, не был уверен, что его ждут.

Кирилл замер на пороге, держа в руках свёрнутый в аккуратный рулон плед. Свёрток был тёмно-синий, в едва заметную клетку.

Очки чуть сползли, он их поправил привычным жестом, а потом, будто стесняясь, протянул его всем сразу, не выделяя никого.

— Я подумал... вдруг не хватит. У нас тут столько народу, а пледы быстро заканчиваются. Этот... он тёплый. Мама связала. Ну, не сама, конечно, но выбирала она. В общем, он

хороший.

Он запнулся, будто сказал слишком много, и опустил взгляд.

В комнате вдруг стало чуть тише — не потому, что все замолчали, а потому, что слышали. Услышали не про плед, а про «мама выбирала».

Кира первой шагнула вперёд, бережно взяла свёрток и тут же развернула, встряхнула — и плед лёг мягкими складками, будто сам хотел укутать всех подряд.

— О, он такой уютный! — выдохнула Кира. — Прямо как из детства.

Артём тут же потянулся.

— Значит, это мой. Я заслужил.

Максим шлёпнул его по руке.

— Не смей. Это общий. Кирилл старался.

И в этом «старался» было столько простого уважения, что Кирилл чуть расправил плечи.

Денис кивнул на плед и спокойно сказал:

— Хороший ход. Теперь точно всем хватит. И даже Кире, когда она заснёт и начнёт стягивать всё на себя.

Кира возмущённо пихнула его в бок.

— Я не стягиваю!

— Конечно, не стягиваешь, — мягко улыбнулся Денис. — Просто у тебя особая техника укутывания.

Все рассмеялись, и даже Кирилл тихо хмыкнул, будто этот смех был ему нужен, как глоток тёплого чая.

Кирилл перевёл взгляд на меня. Я улыбнулась — просто, без лишних слов, — и чуть подвинулась, освобождая место рядом с собой на полу, среди подушек и уже разложенных пледов.

— Садись, — тихо сказала я. — Ты как раз вовремя. Мы ещё даже не выбрали, во что играть.

Он кивнул и шагнул внутрь, закрыв за собой дверь.

На полу уже лежали коробки: «Монополия», «Мафия», «Уно», обычная колода карт. Коробка с «Уно» оказалась у Артёма раньше, чем кто-либо успел сказать «а давайте». Он уже раскидывал карты веером, тараторя правила так, будто от этого зависела чья-то жизнь.

Денис тихо сел рядом с Игорем, посмотрел на эту кучу коробок и улыбнулся.

— Давайте так: пять минут в «Уно». Кто проиграет — тот раздаёт пиццу.

Все засмеялись, и даже Кирилл едва заметно оживился, будто ему наконец разрешили быть здесь не гостем, а своим.

Я тихонько накинула уголок того самого пледа на плечи Кирилла — совсем легонько, будто проверяя, не будет ли это слишком.

— Чтобы не дуло, — шепнула я.

Он чуть наклонил голову, будто хотел спрятать улыбку, и тихо сказал:

— Спасибо.

Артём уже раздал карты, Кира хихикала, Максим ворчал,

Игорь спокойно раскладывал стаканы, Денис вскрывал пачки с соком — и вся эта суеда вдруг сложилась в одну простую, очень правильную картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.